

Золушка для герцога

Автор:

[Кэрол Мортимер](#)

Золушка для герцога

Кэрол Мортимер

Золушка не обязательно теряет туфельку. Джейн Смит, рыжеволосая воспитанница четы Салби, сама слетела с лестницы навстречу прекрасному принцу. Хок Сен-Клер, десятый герцог Сторбридж, единолично управлял поместьем, не находя женщины, достойной носить титул герцогини. Зеленоглазая красавица в желтом платье, с которой он так неожиданно столкнулся, была очаровательна. Герцог и оглянуться не успел, как Джейн поселилась в Малберри-Холле, его доме. Своенравная и по-детски наивная, она очень отличалась от столичных охотниц за титулом. Благородный красавец Хок тоже нравился Джейн. Но что может быть общего у герцога и дочери священника?

Кэрол Мортимер

Золушка для герцога

Глава 1

1816 г., особняк Сен-Клер, Лондон

– Женитьба не входит в мои ближайшие планы, Хок. И уж тем более на малолетней девице, которую ты милостиво соблаговолил мне выбрать! У нее

молоко на губах еще не обсохло!

Хок Сен-Клер, десятый герцог Сторбридж, восседал за широким письменным столом с обитой кожей столешницей в библиотеке городского особняка Сен-Клер, внимательно вглядываясь в красное от злости лицо своего младшего брата. В темно-карих глазах Себастьяна полыхал пожар открытого неповиновения.

– Я просто сказал, что тебе уже давно пора подумать о выборе супруги.

Лорд Себастьян Сен-Клер почувствовал, как румянец на его щеках разгорается еще сильнее под беспощадным взглядом старшего брата. Но недовольство Хока никоим образом не сказалось на его твердом решении – никто и никогда не заставит его ни силой, ни уговорами вступить в нежеланный брак.

Хотя держать оборону было трудновато, признался себе Себастьян, особенно под пронзительным взглядом брата. Под ледяным взглядом этих глаз цвета расплавленного золота, взглядом, от которого у камердинера герцога выступали слезы на глазах, а пэры королевства начинали дрожать как осиновые листья, стоило Хоку занять свое место в палате лордов.

– Даже не пытайся говорить со мной в таком снисходительном тоне, Хок, это не поможет! – Себастьян рухнул в резное кресло, уставившись на брата поверх стола. – Или ты решил перевести все свое внимание на меня, потому что Арабелла не сумела найти подходящую партию в свой первый сезон? – лукаво прищурился он, прекрасно зная, что их восемнадцатилетняя сестра упорно отклоняет все предложения руки и сердца, которые поступили за последние несколько месяцев.

А еще он знал, что Хок ненавидел роль сопровождающего младшей сестры. Настроенные на брак дебютантки и их амбициозные мамы воспринимали появление герцога Сторбриджа на балах и приемах как открытое приглашение к преследованию! Пока Хок в своей неотразимой манере высокомерной холодности не дал понять, что ни одна из молодых женщин не отвечает стандартам, установленным им самим для его будущей герцогини.

– Мы не Арабеллу обсуждаем! – поджал губы Хок.

– Тогда, быть может, нам обсудить ее? Или Люсьена? – Себастьян ввернул в разговор имя их брата. – Или тебя самого, Хок? – язвительно продолжил он. – В конце концов, именно ты являешься герцогом, и не ты ли из нас четверых более всего нуждаешься в наследнике?

Герцогу Хоку Сен-Клеру исполнился тридцать один год, его рост составлял более шести футов, и он обладал могучими плечами и атлетической фигурой, к вящей радости и гордости его портного. Сегодня он был одет в черный облегающий сюртук, светло-серый жилет, чуть более светлые бриджи и отполированные до блеска ботфорты. Густые черные волосы с золотистыми прядями уложены с обычной элегантностью, под широким умным лбом горят золотистые глаза, высокие скулы, прямой нос спускается к тонкой бескомпромиссной линии рта на квадратной челюсти. Весь его вид говорит о надменном и неуступчивом характере.

Даже не имея титула, Хок был человеком, с которым считались в обществе. Став герцогом Сторбриджем, он приобрел чудовищную силу.

Последний аргумент нисколько не смутил Хока.

– Мне кажется, за последние месяцы я дал вам всем ясно понять, что мне еще предстоит встретить женщину, способную справиться с нелегкой ролью герцогини Сторбридж. Кроме того, – продолжил он, не позволив Себастьяну высказать свое мнение по этому поводу. – У меня уже есть два прямых наследника в лице моих младших братьев. Хотя, учитывая ваше недавнее поведение, я вряд ли буду счастлив видеть тебя или Люсьена в качестве следующего герцога Сторбриджа. – Он бросил на Себастьяна сердитый взгляд, который тот благополучно проигнорировал.

– Если кто-то из нас с Люсьеном и станет следующим герцогом Сторбриджем, ты этого не увидишь, Хок, можешь не сомневаться!

– Очень смешно, Себастьян, – презрительно фыркнул герцог. – Но, поразмыслив над... над событиями последнего месяца, я осознал, что вел себя несколько беспечно, не позаботившись о вашем с Люсьеном будущем.

– Последнего месяца? И что же мы с Люсьеном сделали за последний месяц такого, что бы в корне отличалось от... А! – внезапно осенило его. – Возможно,

ты намекаешь на очаровательную, недавно овдовевшую графиню Морфилд? – не дрогнув, бросил он вызов брату.

– Джентльмен никогда не называет имени дамы, Себастьян, – неодобрительно прищурился Хок. – Но теперь, когда ты вынес этот инцидент на рассмотрение, я действительно намекаю на ваше недостойное поведение в отношении некой леди, нашей общей знакомой. – В голосе Хока сквозил холод.

Себастьян растянул губы в широкой улыбке. Чувствовалось, что ему и в голову не пришло оправдываться.

– Уверяю тебя, что никто – и тем более сама графиня – не принял наших ухаживаний всерьез.

Хок свысока посмотрел на брата:

– Тем не менее имя дамы трепали в нескольких клубах, в том числе и в моем. Многие из ваших друзей делали ставки на то, кто из вас первым изгонит графа Уитни из спальни гра... этой леди.

Себастьян и бровью не повел.

– Только потому, что все они знали: мы оба абсолютно не в курсе интереса друг друга к леди. Конечно, если бы ты соблаговолил поделиться с нами, что и сам метишь в ту же постель, мы с Люсьеном непременно отступились бы и оставили бы вас с Уитни один на один! – Он с вызовом посмотрел на брата.

Хок поморщился, словно от невыносимой боли:

– Себастьян, я уже предупреждал тебя о... бестактности этого разговора!

– Значит, весь сыр-бор разгорелся из-за того, что мы с Люсьеном нечаянно наступили тебе в прошлом месяце на пятки? – Себастьян не мог скрыть своего веселья. – Или все-таки на другую часть тела? Хотя мне кажется, – поспешно продолжил он, не давая Хоку возможности сделать ему очередной выговор, – что тебя уже несколько утомило... обаяние этой леди?..

Ноздри герцога затрепетали, выдавая его недовольство подобным поворотом беседы.

– После ваших с Люсьеном ухаживаний за этой дамой я счел за лучшее отдалиться от нее, чтобы не раздуть скандал еще сильнее.

– Если бы ты не скрывал от нас своих пристрастий, скандала вообще можно было бы избежать, – равнодушно пожал плечами Себастьян. – Но уверяю тебя, Хок, я не собираюсь жениться исключительно для того, чтобы утешить твою обиженную гордость!

– Это же нелепо, Себастьян...

– Нет, Хок. – Все веселье Себастьяна как рукой сняло. – Если ты обдумаешь ситуацию, то поймешь – это ты выглядишь нелепо, в своей попытке выбрать мне жену.

– Напротив, Себастьян. Я действую исключительно в твоих интересах, я в этом искренне уверен. Я фактически уже принял приглашение от сэра Барнаби и леди Гвендолин Салби как от своего, так и от твоего имени.

– Насколько я понимаю, это родители моей предполагаемой невесты?

Хок поджал губы:

– Да, Оливия Салби дочь сэра Барнаби и леди Салби.

Себастьян насмешливо покачал головой и встал:

– Какое бы приглашение ты ни принял от моего имени, боюсь, тебе придется отказаться от него.

Он двинулся в сторону выхода из библиотеки.

– Что ты делаешь? – помрачнел Хок.

– Ухожу. – Себастьян с жалостью посмотрел на брата. – Но прежде чем уйти, я готов сделать тебе ответное предложение, Хок... – Он остановился у дверей.

– Предложение? – Упрямство брата так глубоко обеспокоило его, что – вопреки его всегдашнему самообладанию – Хок едва сдерживал себя.

Себастьян кивнул:

– Как только ты женишься – удачно и счастливо, конечно, – я обещаю серьезно подумать над тем, чтобы и самому сунуть голову в мышеловку!

Он тихо прикрыл за собой дверь и зашагал прочь.

Хок тяжело откинулся в кресле. Несколько секунд он неотрывно взирал на закрытую дверь, потом потянулся к графину и от души плеснул себе бренди.

Герцог взял себе за правило никогда не посещать деревенские приемы после закрытия сезона и роспуска палаты лордов на лето. Он согласился провести неделю в Норфолке у Салби по одной-единственной причине – свести Себастьяна с юной девушкой, которая, как он надеялся, может стать его женой.

Его личное знакомство с сэром Барнаби было шапочным – обедали несколько раз в клубе вместе, не более. Во время сезона Хок не имел чести познакомиться с женой и дочерью этого джентльмена – Салби не получили приглашения на те три бала, куда Хок сопровождал Арабеллу, – но он навел справки и узнал, что после смерти отца Оливия Салби унаследует «Маркхам-парк» и окружающие его тысячу акров земли. Для Себастьяна, как младшего брата герцога, это был бы идеальный вариант.

* * *

– Вот ты где, Джейн. Хватит стоять столбом на ступеньках, девочка. – Леди Гвендолин Салби, увядшая красавица лет сорока с лишним, едва сдерживала недовольство, глядя на то, как объект ее внимания остановился на широкой лестнице, не решаясь ни спуститься вниз, ни подняться наверх. – Нет, не спускайся сюда. Вернись в мою комнату и принеси мне шаль, пока гости не начали собираться. Шелковую, с желтыми розочками. Похоже, погода

собирается меняться, Салби, – обеспокоенно повернулась она к дородному супругу, стоявшему рядом с ней в просторном холле в ожидании приглашенных.

Джейн видела, что сэр Барнаби, который был на двадцать лет старше своей жены, чувствует себя очень неуютно в сорочке с высоким воротом и туго завязанном галстуке. Желтый жилет невероятно растянулся в попытке охватить объемистый живот, коричневый сюртук и кремовые бриджи были не в состоянии скрыть этого натяжения.

Бедный сэр Барнаби, думала Джейн, покорно идя наверх за требуемой шалью. Она знала, что ее опекун предпочел бы оказаться далеко отсюда, где-нибудь на просторах своего поместья в компании управляющего и в старой удобной одежде, а не торчать в холодном холле «Маркхам-парка» в ожидании гостей, которые вот-вот соберутся в их доме на недельное развлечение.

– Захвати и мой белый зонтик, Джейн! – прокричала ей вслед Оливия, копия своей матери в юности, с округлой фигуркой, голубыми глазками и золотыми кудряшками, причудливо уложенными вокруг пригожего невинного личика.

– Леди не подобает так кричать, Оливия. – Леди Гвендолин явно была шокирована поведением дочери. – Что подумает герцог, если он тебя услышит? – Она принялась энергично обмахиваться веером.

– Но вы-то кричали, мама, – недовольно надула губки Оливия.

– Я хозяйка дома. Мне можно кричать.

Джейн улыбнулась, продолжая подниматься по лестнице. Она знала, что абсолютно лишённая логики перебранка между матерью и дочерью продлится еще несколько минут. Последнюю неделю во время подготовки к приему гостей споры – временами весьма горячие – стали постоянным явлением, и в большинстве из них фигурировал «герцог» или «его светлость». Поскольку герцог Сторбридж будет почетным гостем Салби на этой неделе – о чем постоянно твердили прислуге, которая беспрестанно мыла, чистила, скребла и полировала «Маркхам-парк», подготавливая его к приему «его светлости, герцога».

Джейн не надеялась, что ее включат в какое-либо из предстоящих мероприятий, она наверняка даже не увидит блистательного герцога. Ведь она всего лишь бедная родственница Джейн Смит. Дальняя родня, которую Салби просто пожалели и милостиво предложили кров, когда ей было десять лет.

Когда сэр Барнаби и леди Гвендолин впервые привезли ее сюда, «Маркхам-парк» показался ей огромным и пустынным, ведь все свое детство она провела в крохотном домике приходского священника на южном побережье, с любящим вдовым отцом и Бесси, престарелой, по-матерински доброй экономкой.

Но Джейн утешила себя тем, что «Маркхам-парк» по крайней мере недалеко от моря. Временами, когда неусыпное око леди Салби давало сбой, она убегала на изрезанный волнами берег и наслаждалась его дикой, неприрученной красотой.

Джейн очень скоро открыла для себя, что Норфолк особенно хорош зимой, когда море, казалось, ярится и сражается против всех запретов самой природы, как и ее внутреннее естество стремилось сразиться против постоянно ужесточающихся светских ограничений, которые накладывались на нее. Ибо детскую и классную комнаты она делила с Оливией только до шестнадцати лет, а по достижении этого возраста ее перестали считать ровней Оливии, и она превратилась скорее в горничную и компаньонку избалованной барской дочери.

Джейн задержалась у зеркала в спальне леди Салби и окинула критическим взглядом свое отражение. Да, такие, как она, нынче не в моде. Она высока, ноги у нее длинные, фигурка худенькая. Ей хотелось бы сказать, что у нее интересные золотисто-каштановые локоны, но и это неправда – она являлась обладательницей ярко-рыжих, пламенеющих волос. И, несмотря на чистую кремовую кожу, ее носик щедро усыпан отвратительными веснушками. Плюс зеленые глаза. Ужас, да и только.

К тому же ни одно из платьев, которые подбирала ей леди Гвендолин Салби, не шло ей, потому что наряды неизменно были пастельных тонов. В данный момент она была в бледно-розовом, совершенно не подходящем к ее рыжим волосам платье.

Конечно, весьма сомнительно, что Джейн когда-нибудь встретит мужчину, который захочет жениться на ней. Если только местный викарий не сжалится и не предложит ей руку. А поскольку он немолодой вдовец с четырьмя

неуправляемыми детишками младше восьми лет, Джейн очень надеялась, что он этого не сделает!

Она со вздохом взяла с туалетного столика шаль, заметив, что шкатулка с драгоценностями леди Салби не убрана в верхний ящик.

Но стоило Джейн услышать стук колес кареты, подъезжающей к «Маркхам-парку» по покрытой гравием дорожке, она тут же забыла о шкатулке.

Наконец-то приехал герцог и его брат лорд Себастьян Сен-Клер? Или кто-то из других гостей Салби?

Любопытство заставило Джейн подбежать к окошку и выглянуть наружу. Огромным экипажем с четверкой самых красивых черных коней, которых Джейн доводилось видеть, управлял грум в черной ливрее. Двое других слуг, тоже в черном, сидели сзади, на дверке кареты красовался герцогский герб.

Значит, это действительно герцог.

Похоже, он любит черный цвет, подумала Джейн и, поддавшись искушению, осторожно отодвинула парчовую штору, дабы получше разглядеть самого герцога, когда он будет выходить из кареты.

Грум проворно спрыгнул на землю и распахнул дверку, и сердечко Джейн по неизвестной причине вдруг забилось быстрее. И не просто забилось, оно неистово затрепетало, недовольно отметила Джейн.

У нее перехватило дыхание, стоило обуть в сапог ногу встать на нижнюю ступеньку кареты. За ногой последовало мощное туловище, затем и склонившаяся голова, и вот взгляду явился весь герцог Сторбридж – он ступил на гравиевую дорожку, выпрямился, взял у слуги шляпу и поднял свою надменную голову, оглядывая окрестности.

Боже, какой он высокий! – это первое, что пришло Джейн в голову. За этой мыслью последовала другая – такого красивого мужчину она в жизни не видела. Густые черные волосы, широкие плечи, атлетическое телосложение. На вид ему по меньшей мере лет тридцать. Черты лица суровые, как и подобает

могущественному герцогу, но в этой суровости просматривалась такая строгая мужская красота, что сердце Джейн остановило свой бег.

Она стояла словно замороженная, не в силах оторвать от него взгляда.

Высокий лоб говорил не только о надменности, но и об уме, но вот цвет его глаз, с неприкрытым презрением оглядывающих окружающую местность, остался для Джейн загадкой. Резко очерченные губы поджались, черные брови удивленно поднялись, когда он увидел, как хозяйка дома поспешно спускается к нему по ступенькам, вместо того чтобы терпеливо ждать внутри особняка, когда слуга объявит о его прибытии.

– Ваша светлость! – Леди Салби присела перед герцогом в низком реверансе, удостоившись в ответ лишь высокомерного кивка. – Какая честь! Я... Но где же ваш брат, лорд Сен-Клер, ваша светлость? – В голосе леди Салби послышались неподобающие даме визгливые нотки, когда она поняла, что в карете больше никого нет.

Джейн не расслышала ответ герцога, до нее долетел только рокот его глубокого голоса, объясняющего хозяйке причину отсутствия брата.

О боже! Все идет не по плану. То есть не по плану леди Салби. А расстроенную леди Салби лучше не злить и поторопиться вниз с шалью, за которой она послала Джейн минут десять тому назад.

Джейн зашла в комнату Оливии за зонтиком, а затем поспешила к широкой лестнице. Снизу доносился гул голосов – сэр Барнаби развлекал гостя разговором.

Леди Салби не раз выражала надежду на то, что Оливия произведет впечатление на младшего брата герцога, лорда Себастьяна Сен-Клера, и вот теперь молодой лорд не приехал. Леди Салби наверняка начнет бушевать и капризничать, а когда такое случается, даже слуги при первом удобном случае удирают от нее на кухню. Но Джейн знала, что ей не удастся уйти, пока она не поможет Оливии переодеться к обеду и не уложит ей волосы.

Обычно Джейн разрешалось сидеть с семьей за обедом, но сегодня утром леди Салби поставила ее в известность, что, пока у них гостят посторонние, она

должна есть внизу с прочими слугами.

Это не стало для Джейн ни ударом, ни тяжким испытанием, учитывая то, что в ее гардеробе насчитывалось всего несколько платьев. Ни одно из них не подходит для обеда с герцогом, уныло думала она, спускаясь вниз по лестнице. И если она успеет доставить шаль и зонтик, пока герцог беседует с хозяином и хозяйкой, возможно, ей удастся избежать отповеди за нерадивость и опоздание.

Джейн так и не поняла, как это произошло. Она просто почувствовала, что лестница уходит у нее из-под ног и, вместо того чтобы бежать вниз по ступенькам, она летит над ними!

Или, по крайней мере, полетела бы, если бы пара сильных рук не удержала ее за плечи.

Вместо этого она врезалась в твердый неподвижный объект. Джейн почувствовала, что ее нос зарылся в нежные складки безупречно отглаженного, белоснежного галстука, а в ноздри ворвался запах одеколона и чистого мужского тела с едва различимой примесью дорогих сигар.

Джейн попыталась принять вертикальное положение и заглянуть в аристократически высокомерное лицо и глаза. В глаза, цвет которых она не могла разглядеть из окна спальни леди Салби. А цвет этих глаз оказался очень странным. Не карие, не ореховые, но цвета чистого, расплавленного золота с темным коричневым ободком. Они делали его похожим на огромную хищную птицу. Завораживающую, большую и опасную хищную птицу...

Хок поджал губы, явно не ожидая этой физической атаки. Он два дня провел в своей карете, без сомнения комфортабельной, подверженной тряске на ямах и колдобинах ужасных английских дорог, и теперь ему хотелось лишь одного – чтобы его проводили в отведенные ему покои и предоставили горячую ванну, прежде чем он спустится вниз и будет представлен гостям перед обедом.

Харчевни, в которых он останавливался на обед, и постоянный двор, в котором он провел предыдущую ночь, не отвечали его требованиям. А несколько минут назад хозяйка дома, женщина, с которой он до сегодняшнего дня не был знаком, продемонстрировала такое отсутствие манер и воспитания, что была готова чуть ли не сама подать ему руку и вывести его из кареты.

Два дня перед отъездом из Лондона Хок долго и напряженно раздумывал над тем, стоит ли вообще ехать в «Маркхам-парк». Эти мысли одолевали его всю дорогу, и глупый инцидент, когда прислуга Салби в буквальном смысле слова упала ему прямо в руки, только подтвердил справедливость его опасений.

– Мне так жаль, ваша светлость, – выдохнула горничная, обеспокоенно поглядывая вниз, в холл, где сэра Барнаби и леди Гвендолин вели беседу с лордом и леди Тиллтон. Эта пара прибыла вместе со своим сыном Саймоном в тот самый момент, когда Хок отправился наверх в сопровождении лакея, который теперь осмотрительно отступил в сторону и с невозмутимым видом ожидал окончания сцены.

Хок прищурился, его губы превратились в тонкую линию, стоило ему уловить страх и смятение в затуманенном взоре зеленых глаз горничной, вновь обратившихся к нему. Он определенно не привык к тому, чтобы кто-либо, и уж тем более прислуга, вот так налетал на него, но девушка, должно быть, просто споткнулась, а он, поднимаясь вверх по ступенькам, оказался на пути ее падения. Незачем ей так его бояться!

Хотя похоже, что взгляд, брошенный ею на сэра Барнаби и леди Гвендолин, говорил о другом – вовсе не его недовольства она опасалась...

Поняв это, Хок еще плотнее сжал губы. Во время их нечастых встреч за обедом он всегда находил сэра Барнаби человеком приятным, живым и веселым компаньоном, значит, горничная тряслась от страха перед леди Салби. Именно хозяйка способна отругать ее за неуклюжесть.

– Мне вправду очень жаль, ваша светлость! – Девушка нагнулась, чтобы поднять что-то с лестницы. Видимо, она обронила это во время их столкновения. – Я... О, мне так жаль, ваша светлость! – Девушка похолодела от ужаса, сообразив, что ткнула герцога в живот только что поднятым зонтиком.

Вторая неожиданная атака заставила Хока сделать резкий вздох, и он подумал – а не предсказывает ли это, каким будет все его недельное пребывание в этом унылом, неинтересном Краю болот, где и похвалить-то нечего, включая доставку почты. Его письмо, в котором сообщалось, что его брат Себастьян не сможет приехать, явно не было доставлено в поместье, в результате Хоку пришлось лично объясняться с хозяином и хозяйкой и передавать им извинения

Себастьяна.

После неблагопристойного поведения леди Салби у входа в дом и того факта, что Оливия Салби на деле оказалась обычной жеманной мисс одной из тех, которые раздражали и без меры утомляли Хока, он начал подумывать, что, может быть, Себастьян был прав в своем отношении к семейству Салби. Жаль, что интуиция Хока его подвела.

Джейн застонала, увидев на лице герцога признаки неудовольствия. Она не только чуть не сбила его с ног на лестнице, но вдобавок ко всему едва не проткнула ему живот зонтиком!

Хвала Господу, ни леди Салби, ни Оливия этого не видели. Они все еще разговаривали внизу с Тиллтонами. Но это дело времени, одна из них может в любой момент поднять голову и стать свидетельницей этого ужасного происшествия.

Джейн с мольбой посмотрела на терпеливо стоявшего рядом лакея, молчаливого свидетеля их столкновения, но тут же поспешила отвести взгляд. Вид у Джона действительно был невозмутимый, но в глазах слуги явно горели веселые огоньки.

– Не соблаговолите ли пожаловать сюда, ваша светлость? Я покажу вам ваши покои. – Джон отступил в сторону, приглашая герцога обойти удрученную Джейн и возобновить подъем.

Напряжение Джейн несколько спало. Гость стал подниматься по лестнице, и она с благодарностью улыбнулась лакею, но тут же еще раз наткнулась на взгляд герцога – проходя мимо, он, прищурившись, пристально посмотрел на нее.

Улыбка девушки поблекла, она судорожно прижала к груди зонтик с шалью, не в силах сдвинуться с места под этим завораживающим, пронзительным взглядом. Время, казалось, остановилось. Он окинул ее взглядом с головы до ног, поджал губы и продолжил подъем по парадной лестнице.

Джейн судорожно дышала, глядя ему вслед, ее грудь быстро поднималась и опускалась, а щеки пламенели.

– Ради бога, Джейн! Я просила шаль с розовыми розочками, а не с желтыми! – Похоже, леди Салби наконец-то заметила ее. – Это невыносимо! Девчонка не в состоянии понять даже самых элементарных распоряжений! – объявила она чете Тиллтон.

Джейн развернулась и побрела назад под язвительным взглядом Оливии. Она прекрасно поняла распоряжение леди Салби, которым хозяйка дома намеренно поставила ее в неловкое положение. Но перечить леди Салби было бессмысленно. Особенно в присутствии посторонних.

Джейн покраснела еще сильнее, когда увидела, что герцог остановился по пути в свои комнаты, в этот раз на галерее, опоясывающей холл на уровне второго этажа. Его верхняя губа была презрительно поджата, ибо он стал свидетелем резкой отповеди леди Салби.

– Ваша светлость! – Подойдя к нему, Джейн склонила голову в вежливом поклоне, после чего проскользнула мимо и устремилась дальше по коридору. Она знала, что ее покрасневшие щеки выглядят просто чудовищно на фоне рыжих волос, а веснушки на носу становятся при этом еще ярче.

Как могла она быть настолько неловкой, настолько неучливой, настолько неповоротливой? Куда подевалась ее грация, где ее манеры? – ругала себя Джейн, присаживаясь на краешек огромной, со столбиками и балдахином, кровати леди Салби. Шаль и зонтик она положила рядом на покрывало и прижала холодные ладошки к горящим щекам. Ее всю трясло.

Господи, какой ужас! Это было слишком ужасно, чтобы выразить словами. Ей хотелось убежать в свою комнату и просидеть там на широком подоконнике до тех пор, пока прекрасная черная карета с герцогским гербом и знатным гостем не укатит обратно в Лондон.

– Что ты здесь делаешь, Джейн? – Ошеломленная леди Салби остановилась у двери своих покоев, и Джейн виновато вскочила на ноги.

Глаза леди Салби подозрительно пробежали по комнате, брови сердито сошлись у переносицы, стоило ей увидеть шкатулку с драгоценностями на туалетном столике. Джейн собиралась вернуть ее на место, когда приходила за шалью, но с приходом герцога совсем забыла сделать это.

– Ты копалась в моих вещах?! – взорвалась леди Салби. Она пересекла комнату и заглянула в шкатулку, проверяя ее содержимое.

– Нет, конечно же нет! – Джейн не поверила своим ушам.

– Ты уверена? – сверкнула на нее глазами леди Салби.

– Абсолютно уверена, – кивнула Джейн, пораженная подозрительностью своей попечительницы. – Наверное, Клара забыла ее убрать.

Леди Салби еще раз смерила ее взглядом, поставила шкатулку в ящик стола и с грохотом задвинула его.

– Где моя шаль, девочка? И зонт Оливии ты тоже не принесла, – бросила она ей обвинение.

– А он мне потребуется, когда я буду сопровождать леди Тиллтон и лорда Саймона Тиллтона в розарий, – высокомерно улыбнулась Оливия.

Джейн даже не заметила, когда Оливия выросла у дверей. Стараясь не смотреть в самодовольное лицо хозяйской дочери, она поспешно подала ей зонтик, но внутренне все еще не могла прийти в себя после резкого обращения леди Салби.

Как леди Салби вообще могла заподозрить ее в подобных вещах? Насколько Джейн было известно, в шкатулке хранилось всего несколько ценных украшений, принадлежащих семейству Салби, и личные бумаги, не представляющие для Джейн никакого интереса.

– Очень плохо, что лорд Сен-Клер не смог прибыть вместе с его светлостью, – рассеянно пробурчала леди Салби, когда Оливия отправилась на прогулку в сад. – Придется заново организовывать весь обед. Но инфлюэнца есть инфлюэнца. Да к тому же герцог сам заинтересовался Оливией, – с довольным видом добавила она. – Разве это не лучшая партия для нашей малышки?

Джейн была уверена, что от нее не ждут никаких подтверждений – леди Салби просто размышляет вслух, строя в своей голове новые планы.

Но молчание Джейн вовсе не означало, что у нее нет собственного мнения по поводу предполагаемого союза Оливии с герцогом Сторбриджем. Прежде всего, думала она, смешно даже предполагать, что такой заносчивый господин, как герцог, прельстится – не говоря уже о браке! – миленькой, но эгоистичной Оливией.

– Почему ты все еще здесь, Джейн? – саркастически поинтересовалась леди Салби. – Разве ты не видишь, что мои нервы на пределе? Возможно, у меня случится один из приступов головной боли и я весь вечер буду не в состоянии присоединиться к гостям!

– Прислать вам Клару? – предложила Джейн. Горничная леди Салби, женщина в годах, приехала в этот дом из Ярмута двадцать пять лет тому назад вместе с Гвендолин Симмонс, когда та вышла замуж за сэра Барнаби, и только она одна могла совладать с хозяйкой, когда на нее нападали «один из приступов головной боли».

А случалось это, надо отметить, регулярно, причем боль как рукой снимало после пары стаканов бренди сэра Барнаби. И принимала его леди Салби исключительно в медицинских целях, – не смогла сдержать улыбки Джейн.

– Не вижу ничего смешного, Джейн. – Леди Салби рухнула на кушетку и драматично прижала руку ко лбу. – Лучше отправляйся к себе в комнату и переоденься к обеду. Ты же знаешь, что я не выношу опозданий!

Комментарий леди Салби относительно переодевания к обеду привел Джейн в замешательство.

– Разве вы не велели мне сегодня есть вместе с прислугой?

– Ты вообще слышишь, что я тебе говорю, девочка? – В голосе леди Салби послышались резкие нотки. Она с недовольным видом взирала на Джейн. – Герцог прибыл без брата, и за столом осталось тринадцать человек. Так что придется тебе присоединиться к нам. Но баланс между дамами и господами все равно будет нарушен. Это никуда не годится, но ничего, до завтра обойдемся, пока не приедут остальные гости.

Джейн побледнела, поняв, о чем толкует леди Салби.

– Вы имеете в виду, что, поскольку лорд Сен-Клер отсутствует за столом, вы желаете вывести меня, чтобы за столом было равное число обедающих.

– Да, да, именно это я и имею в виду! – Женщина нахмурилась. – Что с тобой такое, девочка?

Джейн с трудом сглотнула, представив, что сидит за одним столом с грозным герцогом Сторбриджем. После их злополучного столкновения на лестнице он наверняка не захочет видеть ее снова!

Как выразилась леди Салби, это никуда не годится!

– Но у меня нет ни одного подходящего наряда...

– Что за чушь, девочка! – Кровь бросилась в лицо леди Салби, пухлые, припудренные щеки покраснели от мысли, что на ее пути возникли новые препятствия. – Как насчет моего желтого платья, которое Клара подогнала под твою фигуру? Оно вполне годится, я в этом уверена, – безапелляционно провозгласила леди Салби.

Сердце Джейн упало при воспоминании о ярко-желтом наряде. Леди Гвендолин приобрела его для себя, но, решив, что оно ей не подходит, отдала Джейн.

– Я буду чувствовать себя неуютно среди ваших гостей...

– Меня совершенно не волнует твой комфорт! – Волнение леди Салби усилилось, а вместе с ним и яркость краски на щеках. – Ты сделаешь то, что тебе велят, Джейн, и присоединишься к нам за обедом! Это понятно?

– Да, леди Салби. – Джейн стало дурно. Она развернулась и послушно побрела к двери.

– Хорошо. А теперь пришли мне Клару. – Леди Салби вновь опустилась на подушки и прикрыла глаза. – И скажи ей, что мне потребуется ее лекарство, – слабым голосом бросила она вслед девушке.

Лишь оказавшись в коридоре, Джейн дала волю чувствам. Ее охватывало отчаяние при мысли о том, что она спустится вниз в этом кошмарном желтом платье. И предстанет в таком виде перед надменным, но поразительно красивым герцогом Сторбриджем.

Глава 2

– Это такая новая светская игра? Или вы просто обдумываете, какие развлечения можете предложить мне тет-а-тет сегодня вечером? – иронически усмехнулся Хок, обращаясь к женщине, которая стояла – скрывалась? – за кадкой с растением. Этот фикус не слишком надежное укрытие, знаете ли, – добавил он, не дождавшись ответа на свои язвительные выпады.

Настроение Хока ничуть не улучшилось, когда он спустился в салон, чтобы встретиться с прочими гостями дома. Вода в ванной была горячей, но ее оказалось слишком мало для его нужд. Камердинер Долтон тоже остался недоволен тем, как его разместили в доме. Разнервничавшись, порезал герцогу щеку при бритье, чего с ним не случалось ни разу за всю его долгую преданную службу.

Однако через несколько минут герцог немного развеселился. За вежливым разговором со своей старой знакомой, леди Эмбридж – дамой, по правде говоря, не первой свежести, – он заприметил похожее на призрак желтое существо, которое перебежками передвигалось от одного громадного растения в горшке к другому. Похоже, оно желало остаться незамеченным, но добилось совершенно противоположного эффекта.

Хок тут же извинился перед леди Эмбридж, пересек зал и встал рядом с растением, за которым в данный момент скрывалось эфемерное создание.

Одного взгляда герцогу хватило, чтобы понять – перед ним та самая девушка, которая сначала врезалась в его грудь, а потом ткнула его зонтиком в живот. Выходит, она не служанка, удивился Хок. Но его удивление затмило странное поведение девушки.

– Вы вполне можете покинуть свое укрытие, знаете ли, – посоветовал он.

– Я бы предпочла этого не делать!

– Вы только привлекаете к себе внимание, прячась за кадками, – счел своим долгом сообщить ей Хок.

– Думаю, это вы привлекаете внимание к нам обоим, беседуя со мной! – раздраженно бросила она.

Хоку пришлось признать, что девушка права. Он был самым высокопоставленным гостем в доме и самым ярким пером в шляпке леди Гвендолин Салби, а значит, все взгляды были тайком направлены на него, хотя гости усердно делали вид, что поглощены беседой друг с другом.

– Может, если бы вы объяснили мне, отчего прячетесь за рядом этих нелепых растений в кадках?..

– Не могли бы вы просто уйти и оставить меня в покое? Пожалуйста, ваша светлость! – виновато добавила она, вспомнив, с кем разговаривает.

Хоку вдруг стало смешно.

А ведь в последнее время он редко находит повод даже для улыбки, не говоря уже о том, чтобы посмеяться вместе с женщиной. Ох уж эти женщины, все они хищницы. Он открыл это для себя в последние десять лет, унаследовав титул герцога после того, как его родители в одночасье погибли в дорожной катастрофе.

– Но вы не можете скрываться весь вечер, – вздохнул он.

– Я могу попытаться!

– Но зачем вам это? – Любопытство не давало герцогу покоя.

– Неужели вы не понимаете?

Его брови взлетели вверх.

- А что я должен понимать?

- Платье, - трагическим тоном произнесла девушка. - Вы ведь заметили мое платье?

О да, трудно было не заметить такое неистово желтое пятно на фоне пастельных тонов, которые предпочитали прочие дамы, кроме Оливии Салби, которая была в девственно-белом. Желтый цвет абсолютно не подходил к ярко-рыжим волосам девушки, но...

- Умоляю вас, уйдите, ваша светлость!

- Боюсь, что не могу.

- Почему?

Хок не собирался признаваться себе в возникшем в нем интересе, который сам находил беспрецедентным. Он бросил на девушку еще один взгляд. Ее платье выглядело особенно безобразным на фоне рыжих волос и полыхающих огнем щек.

- Ваша модистка не говорила вам, что желтый не подходит... э-э-э... вашей индивидуальности?

- Платье заказывала не я, я леди Салби. - В голосе девушки послышались раздраженные нотки, которых раньше он не замечал. - Я уверена, что любая уважающая себя модистка никогда не оденет рыжеволосую клиентку в желтое, превратив ее в огромный кусок фрукта. Весьма неаппетитного фрукта!

На этот раз Хок не сумел сдержать смеха, отчего все головы сидящих поблизости гостей тут же повернулись к нему и в их глазах разгорелось любопытство.

Джейн заметила эти взгляды, и ей захотелось только одного - чтобы герцог ушел.

Надев это платье, Джейн поняла, что выглядит оно хуже, чем она предполагала, а желтая лента в волосах, на которой настояла леди Салби, сделала ее внешность еще более нелепой.

Но Джейн знала, что леди Салби превратит ее жизнь в настоящий ад, если она не спустится к обеду, и у нее не осталось выбора, как только надеть ненавистное платье, завязать ленту и выйти в гостиную. Единственное для нее спасение – это постараться быть как можно более незаметной, пока не начнется обед. А за столом, может статься, ее платье не будет так сильно бросаться в глаза.

Но Джейн не приняла во внимание излишнее любопытство и нежелательное внимание герцога Сторбриджа. А смеяться – над ней! – в данных обстоятельствах было просто жестоко.

– Вам действительно лучше выйти, знаете ли, – протянул герцог. – Я уверен, что в этом зале не осталось ни одного человека, который не заметил бы, как я беседую с цветком!

Джейн поджала губы, признавая правоту герцога. Последние пять минут все взгляды были прикованы исключительно к важному гостю, разговаривавшему – и веселившемуся – с пышной зеленой кроной в кадке. Девушке хотелось затеряться на фоне растительности. Задача, по правде говоря, практически невыполнимая, когда на тебе слишком яркая одежда, но Джейн вполне могла бы справиться с ней и протянуть время до обеда, если бы не явный интерес к ней герцога Сторбриджа.

Ей ничего не оставалось, как последовать его совету и покинуть свое убежище, и вновь испытать унижение, заметив, что герцог даже не попытался скрыть своего отвращения, осматривая ее с ног до головы – от желтой ленты в волосах до кружевной оборки у туфель.

– Боже правый, это еще хуже, чем я полагал, – поморщился он.

– Вы немилосердны, ваша светлость. – От возмущения ее щеки покраснелись еще больше.

– Боюсь, что так, – высокомерно кинул он.

Глаза Джейн распахнулись от изумления.

– И вы даже не извинитесь?

– А какой в этом смысл? – Герцог пожал плечами. Безупречно сидящий вечерний наряд выгодно подчеркивал и ширину его плеч, и мускулистость подтянутого тела. – Вы ведь и так наверняка сочли меня помехой?..

Джейн судорожно вдохнула.

– Напротив, ваша светлость. Помехой являюсь именно я!

Взгляд Хока мельком скользнул по кремовым грудкам в низком вырезе платья – удивительно пухлым грудкам, если учесть общую хрупкость и худобу девушки, – и вернулся к ее личику. Такие лица сейчас не в моде, подумал он. Но от зеленых глаз в окружении густых черных ресниц оторваться было просто невозможно. Маленький носик, как и следовало ожидать, усыпан веснушками, рот немного широковат, но губки полные, чувственные, подбородок заострен.

Да, она не обладает красотой смазливых блондинок, что нынче в моде, – именно эта приторная миловидность и отталкивала его в Оливии Салби! – но телосложение и цвет волос этой юной леди намекали на то, что она не утратит своей привлекательности даже в старости.

Все это промелькнуло в голове Хока за считанные секунды, что само по себе было удивительно.

Для герцога Сторбриджа женщины давно стали обычным предметом удобства – тем, чем можно насладиться в редкие часы, свободные от многочисленных обязанностей герцога.

Его связь с графиней Морфилд была краткой и не удовлетворяла его в физическом плане, еще раз убедив Хока в том, что полученное от любовницы удовольствие совершенно не соответствует усилиям, потраченным на ее завоевание.

Как ни странно, Хок был уверен: если эту молодую женщину – а она была намного моложе тех дам, которых он обычно заводил в качестве любовниц, – хорошо одеть и соответствующим образом причесать, то она в определенной ситуации будет достойна его внимания.

В этом случае даже мысли об этом надо было гнать прочь и придерживаться в отношениях с ней благопристойной дистанции. Он до сих пор понятия не имел, кто она такая. Она на несколько лет старше обычных «жеманниц», яркой представительницей коих является Оливия Салби. Из разговора с леди Салби он понял, что она проживает в их доме, однако в каком качестве, Хок так и не уяснил. По его сведениям, Оливия Салби была единственным ребенком, значит, это не дочь сэра Барнаби.

Может, это дочь леди Салби от предыдущего брака? Но Хок не находил никакого сходства между пухленькой, поблекшей леди Салби и яркой рыжеволосой девушкой, стоящей перед ним.

Но если это незамужняя знатная дама, Хок не мог взять ее в любовницы, несмотря на его внезапно вспыхнувший к ней интерес. И чем раньше, тем лучше.

Но не успел он придумать благовидный предлог и откланяться, как к ним подлетела недовольная леди Салби:

– Вижу, вы уже познакомились с подопечной моего мужа, Джейн Смит, ваша светлость! Дорогая Джейн прибыла к нам от дальнего родственника сэра Барнаби, нищего викария, – фыркнула она, бросая испепеляющий взгляд на объект своего монолога. – Ты прекрасно выглядишь в этом наряде, Джейн.

Брови Хока взлетели вверх, настолько неискренне прозвучал этот комплимент. Они обменялись скептическими взглядами с юной леди, которую, как он теперь знал, звали Джейн Смит. Джейн Смит? Это слишком тривиальное имя ни в коей мере не подходило такой яркой девушке.

– Мисс Смит, – официально поклонился он ей и, услышав колокольчик, созывающий гостей к обеду, обратился к леди Салби. – Не позволите ли вы мне сопроводить подопечную сэра Барнаби к столу?

Леди Салби, как хозяйка дома, ожидала, что эта привилегия выпадет ей, но по какой-то необъяснимой причине – и вразрез своему решению держаться подальше от Джейн Смит – Хоку вдруг захотелось насолить хозяйке.

Однако он быстро поменял свое решение. Наверное, с его стороны было не совсем мудро открыто высказать предпочтение бедной девушке, ибо леди Салби была готова убить взглядом изумленную до глубины души Джейн.

Джейн Смит не замедлила подтвердить его точку зрения:

– Вы не должны, ваша светлость, правда.

Хок внимательно всмотрелся в лицо девушки. Щечки ее побледнели, а в зеленых глазах плескалось отчаяние. В отличие от всех прочих дам, встречавшихся Хоку на его пути, Джейн Смит определенно не желала участия герцога Сторбриджа. Не желала, чтобы он выделял ее из всех. Ее зеленые глаза молили его не делать этого!

– В таком случае... леди Салби? – Он подал ей руку, вежливая улыбка затронула только губы, но не растопила ледяной холод его глаз.

– Конечно, ваша светлость! – Она обворожительно улыбнулась герцогу, положила пухлую ладошку на его согнутую в локте руку и зашагала по залу впереди своих гостей.

Джейн стояла и смотрела им вслед, ее сердечко гулко билось в груди. Она знала, что ее ждет возмездие, леди Салби дала ей это понять взглядом, прежде чем грациозно приняла руку герцога.

Почему герцог вообще предложил препроводить Джейн к столу? Он, самый важный титулованный гость Салби, как никто другой должен был знать – по этикету эта привилегия полагается самой леди Салби. Поступи он иначе, это стало бы настоящей сенсацией!

Но как Джейн хотелось принять его предложение! Как бы ей хотелось – несмотря на его жестокие насмешки – выйти из зала рука об руку со знатным герцогом Сторбриджем! Он был так красив, так силен и привлекателен, что

Джейн не сомневалась – эти завораживающие черты лица будут преследовать ее сегодня ночью во сне.

– С какой целью ты выставила себя на всеобщее посмешище, Джейн? – выросла рядом с ней Оливия. Девушка прикрыла губы веером, чтобы никто из гостей не заметил ни ее язвительного тона, ни презрительного выражения на кукольном личике. – Мама ужасно разозлилась за то, что ты преднамеренно соблазнила герцога.

– Но я не делала ничего такого... – задохнулась от возмущения Джейн.

– Не лги, Джейн! Мы все видели, как ты, словно последняя дурочка, беззастенчиво флиртовала с мужчиной. – Оливия поджала губки и стала очень похожа на свою мать. – Мама будет очень сердиться, если твое поведение хоть чем-то заденет герцога, – предупредила она Джейн. – Кстати, в этом платье ты выглядишь просто кошмарно, – отрезала она и направилась прочь, чтобы принять руку Энтони Эмбриджа, внука леди Эмбридж.

Обед, как Джейн и предполагала, стал самым несчастным событием в ее жизни. Лорд Тиллтон, который сидел слева от нее, постоянно пытался водрузить свою руку ей на бедро, пока она не положила этому конец, вонзив в его запястье острые коготки. Справа от Джейн восседала тугая на ухо престарелая дама. Эта леди непрерывно болтала, но, к счастью, ее монолог не требовал отклика, поскольку Джейн была уверена, что, даже если она и попыталась бы ответить, ее бы все равно не услышали.

К тому же герцог совершенно не обращал на нее внимания, отчего Джейн становилось еще хуже. Леди Салби и Оливия, как два неусыпных стража, охраняли его с двух сторон, словно он был драгоценнейшим из призов.

К тому времени, когда леди Салби дала дамам знак удалиться и оставить мужчин на рюмочку бренди, голова Джейн разрывалась от боли. Больше всего на свете ей хотелось сбежать в свою комнату, распустить волосы и остудить разгоряченный лоб ледяной водой в надежде избавиться от стучащего в висках молота. После выпада Оливии она не сомневалась, что конфликт с леди Салби неизбежен, но Джейн надеялась хотя бы на небольшую отсрочку.

– Думаю, ты поступаешь мудро, Джейн. – Леди Салби на секундочку отвлеклась от беседы с леди Тиллтон и коротко кивнула в ответ на просьбу Джейн покинуть гостей из-за головной боли. – В сущности, я полагаю, для всех будет лучше, если ты посидишь у себя, пока мы не убедимся, что ты не заразна.

Джейн побледнела, услышав неприкрытое оскорбление – это и есть обещанная кара? – подобрала подол своего платья и выбежала из гостиной.

«Что ты не заразна».

Леди Салби не могла высказаться яснее, давая Джейн понять, что она считает само присутствие Джейн опасным источником инфекции для ее гостей, но в особенности для герцога Сторбриджа!

* * *

Такого скучного вечера Хок не мог припомнить. Через две минуты в обществе слащавой леди Салби и эгоистичной Оливии ему стало ясно, что хозяйка дома является воплощением всего, что он ненавидит, – узколобая сплетница, которая с неистовой силой пытается взобраться вверх по социальной лестнице и у которой нет в запасе ни одного доброго слова для кого бы то ни было, а ее дочурка лет эдак через двадцать – если не раньше! – станет точной копией матушки.

Но яства, поданные на стол, в отличие от компании оказались выше всяких похвал. Каждое последующее блюдо превосходило предыдущее, и Хок начал уже подумывать, не переманить ли повара Салби к себе.

Встреча с Джейн Смит не выходила у Хока из головы. Хотя, оглядываясь назад, он решил, что повел себя немудро – благородному герцогу Сторбриджу не следовало вовлекать в разговор юную незамужнюю леди, которой он не был представлен официально. Она являлась подопечной сэра Барнаби и, значит, несмотря на дурное отношение леди Гвендолин, имела свои собственные амбиции и не могла не искать выгодной партии.

Его подозрения подтвердились, когда в начале обеда он понаблюдал за ней из-под прищуренных век. Она беззастенчиво флиртвала с Джеймсом Тиллтоном,

мужчиной, у которого уже имелось две любовницы в разных концах Лондона, постоянно поворачивалась к нему и полностью игнорировала несчастную даму, сидящую от нее по другую руку, хотя та пыталась вежливо поддерживать с ней беседу.

– Каково ваше мнение, Сторбридж?

Герцог обратил внимание на сидящего напротив него джентльмена и отхлебнул глоток изумительного бренди.

– Полностью с вами согласен, Эмбридж, – ответил Хок, не совсем представляя, о чем идет речь. – Прошу простить меня, господа. – Он поднялся на ноги, прихватив с собой бокал бренди. – Хочу подышать свежим воздухом Норфолка, который нам так нахваливала наша хозяйка.

Он пересек зал, открыл французское окно и шагнул на залитую лунным светом террасу, оставив позади банальные разговоры.

Как он переживет здесь еще шесть дней? – устало вопрошал себя Хок. Может, сказать, что у Себастьяна случился «рецидив», и сбежать, изобразив заботливого брата? Проблема, однако, заключалась в том, как устроить завтра получение несуществующего письма, но это пустяки по сравнению с перспективой умереть от скуки к концу недели.

Хок сделал глубокий вдох, и в голове у него тут же прояснилось. Воздух Норфолка, надо отдать ему должное, действительно оказался бодрящим. Может, все-таки следует приобрести имение в Норфолке.

После знакомства с Оливией Салби его matrimониальные планы относительно этой юной особы и брата Себастьяна определенно рухнули. Он слишком сильно любил своего младшего брата, чтобы связать его жизнь и жизнь всего семейства Сен-Клер с этой жеманной куклой, не говоря уже о ее амбициозной мамаше. Это было бы...

Хок заметил краем глаза движение слева от него в саду, окутанном лунным светом, – более темное пятно в тени высоких кустов свидетельствовало о том, что он не единственный, кто желает приобщиться к природе Норфолка. К нему присоединилась лиса. Или, быть может, барсук.

Но движущаяся тень была слишком высокой. Нарушитель его спокойствия явно шествовал на двух ногах, причем вдоль живой изгороди в направлении калитки, ведущей на пляж.

Значит, это человек. Возможно, женщина. На пути к романтическому приключению? Или здесь кроется нечто более серьезное, например контрабанда? Хок был уверен, что в Норфолке она до сих пор процветает не меньше, чем в Корнуолле.

Хотя в Глостершире Хок исполнял роль мирового судьи, здесь он не считал нужным вмешиваться в чужие дела. Однако все его чувства обострились, стоило ветру подуть посильнее, приподнять полы темного плаща и явить его взору более светлое платье.

Ярко-желтое платье?..

Неужели это Джейн Смит крадется тайком на пляж? А если да, то с какой целью?

Хок еще раз повторил себе, что это не его дело. Джейн Смит – незамужняя подопечная сэра Барнаби, и Хоку следует держаться от нее подальше все оставшееся время, а то как бы самому не попасть в мышеловку нежданного супружества – дорога, которой он не намеревался следовать, пока все его братья и сестра не будут счастливы в браке, и уж тем более он не пойдет к алтарю с нищей подопечной незначительного пэра. Когда настанет время, Хок возьмет себе в жены женщину соответствующего воспитания и положения, такую, которая обеспечит герцога Сторбриджа наследниками, но не будет предъявлять требований ни на его время, ни на его чувства.

Преследовать Джейн Смит, девушку, из-за которой он уже и так повел себя несвойственно своему характеру, было бы в высшей мере неразумно. Лучше присоединиться к прочим господам и забыть о ее существовании.

Но безумство, овладевшее им тем вечером, когда он из любопытства завел с Джейн Смит разговор, не покинуло герцога. Вместо того чтобы вернуться в дом, Хок вдруг обнаружил, что спускается по лестнице в сад, со стаканом бренди в руке и одной-единственной целью – посмотреть, куда это Джейн Смит пошла так

поздно ночью одна.

И зачем.

Глава 3

– Вы плачете, потому что ваш возлюбленный не пришел на свидание или потому что у вас еще нет возлюбленного?

Джейн застыла, узнав глубокий, с ленивыми интонациями голос герцога Сторбриджа, раздавшийся откуда-то сверху и из-за спины. Она сидела под дюной, положив голову на колени, и смотрела, как волны неистово бьются о берег, по щекам ее катились слезы. Капюшон упал, и распущенные волосы языками пламени развевались по ветру.

Она плотнее завернулась в плащ, прежде чем ответить герцогу:

– Причина моих слез вас не касается, ваша светлость.

– А если я решу, что касается?

– Не стоит себя утруждать. На самом деле я бы предпочла, чтобы вы удалились и оставили меня в покое. – Она была слишком несчастной, чтобы думать о вежливости. Даже в отношении прославленного герцога Сторбриджа.

– Вы приказываете мне удалиться, Джейн? Снова? – усмехнулся он.

Джейн не заметила, как он подошел и уже стоит рядом с ней под укрытием дюны, наверняка испортив свои вечерние туфли. Она была слишком несчастна, слишком подавлена, чтобы думать об этом. В конце концов, она не звала его сюда.

– Да, ваша светлость, – коротко кивнула она.

– Боюсь, что это невозможно, Джейн. – Он вздохнул и, не обращая внимания на дорожную одежду, опустился на песок рядом с ней. – Это было бы слишком не поджентльменски – найти юную леди в состоянии депрессии и просто уйти прочь, оставив ее здесь одну, куда каждый может пожаловать и попытаться воспользоваться ситуацией.

Джейн озадаченно уставилась на него в темноте:

– Даже если она просит вас об этом? Даже если она не леди? – Девушка отвернулась, чтобы он не увидел, как гнев приходит на смену горячим слезам.

– Все дело в платье, Джейн? – Теперь в его голосе сквозили нотки нетерпения, и он продолжил с презрением: – В таком случае вам достаточно взглянуть на леди Салби, несколько секунд поговорить с нею, чтобы понять – не платье делает леди.

Джейн всхлипнула, то ли от слез, то ли от смеха.

– Разве это речь джентльмена, ваша светлость!

Герцог снова вздохнул:

– После прибытия в Норфолк мне очень трудно оставаться джентльменом.

Джейн скосила на него глаза. Луна резко очертила его аристократический профиль, высокие скулы, сильную, мужественную челюсть.

В этот вечер он был одет в безукоризненно черный костюм и белую рубашку с высоким воротом, шейный платок завязан идеальным узлом, под сюртуком – светло-серый атласный жилет. Но сильный ветер взъерошил густые черные волосы, придав ему вид удалого пирата, и он, как ни странно, перестал походить на высокомерного и неприступного герцога Сторбриджа, который прибыл сегодня днем в «Маркхам-парк».

Но она не должна забывать, кто он на самом деле, – решительно напомнила себе Джейн. И, несмотря на ее проницательное чувство одиночества, несмотря на всю его симпатию к ней и сочувствие, через неделю он вернется к своей вельможной

жизни в Лондоне, а она останется здесь, под тиранией леди Салби.

Одной мысли об этом хватило, чтобы слезы вновь потекли рекой.

– Ну, хватит, Джейн, – повернулся к ней герцог. – Что случилось? Не все так плохо...

– Откуда вам это знать, ваша светлость? – Горе и отчаяние придали ей сил, девушка подняла голову и открыто посмотрела на него. – Вас ведь не заставляют чувствовать себя нежеланным и низким, когда вы точно знаете, что на самом деле заслуживаете большего!

Хок уставился на нее во все глаза. В этот момент луна выглянула из-за тучи и осветила растрепанные рыжие волосы, ярко сияющие зеленые глаза и полные чувственные губки.

Боже правый, как ему захотелось поцеловать эти губки!

И не просто поцеловать, а жадно впиться в них!

Это неконтролируемое желание шокировало Хока. Он уже лет десять не испытывал ничего подобного. С того самого дня, как он стал герцогом Сторбриджем, все его слова и поступки были тщательно вымерены, он взвешивал и обдумывал все возможные последствия.

Но сейчас герцог мог думать только о том, как бы поцеловать Джейн Смит, прижать ее хрупкое тело к своему, положить его под себя, упиваться ее губами, зарыться руками в роскошный костер распущенных волос, а потом исследовать округлости ее пышных кремовых грудок, осиную талию и чарующий изгиб ее бедер. С еще большим потрясением Хок понял, что для него Джейн ни нежеланна, ни низка. Напротив, он не мог припомнить, когда в последний раз желал женщину так горячо, так страстно, как желал эту девушку!

Пораженный до глубины души внезапной жаждой овладеть Джейн Смит и попробовать ее на вкус, Хок сумел сдержать себя. Он вскочил на ноги и попятился от нее.

– Тогда я оставлю вас, Джейн.

– Надеюсь, я не обидела вас, ваша светлость?.. – поморщилась она, тоже вставая. Плащ упал, и он увидел, что на ней по-прежнему это кошмарное желтое платье. Подул ветер, и тонкая материя облепила фигурку девушки.

– Я ничуть не обижен. – Обычно такой холодный и непробиваемый, Хок сейчас был напряжен, словно струна, и изо всех сил пытался не смотреть на Джейн. На его скулах играли желваки. – Я просто признаю свое вторжение...

– Я не...

– Не подходите ко мне, Джейн! – процедил Хок сквозь плотно сжатые зубы, когда она протянула к нему руку. Горячность тела, жар в паху – все говорило о том, какой опасный поворот приобретает эта ситуация.

Неужели он так долго обходился без теплой женской ласки – краткая, физически не удовлетворяющая его связь с графиней Морфилд не в счет, – что теперь был готов наброситься на беззащитную девушку? Неужели это расплата за годы самоограничения и вынужденного одиночества, которые он унаследовал вместе с титулом герцога Сторбриджа? Если так, то это невыносимо, и Хок дал себе слово сразу по возвращении в Лондон заняться утомительными поисками любовницы.

Джейн замерла, пораженная предупреждением герцога. Он тоже считает, что она недостойна его внимания, потому что является сиротой, дочерью нищего приходского священника? Что она недостойна даже элементарного вежливого обращения со стороны великого и могучего герцога Сторбриджа?

– Тогда идите, ваша светлость. – Она гордо взглянула на него, дерзко запрокинув голову. – И я смею заверить вас, что не потревожу вас своим нежелательным обществом до конца вашего пребывания в «Маркхам-парке»!

– Джейн, вы меня неправильно поняли...

– Я так не думаю, ваша светлость!

– Джейн, оставь это выканье с титулом в таком пренебрежительном тоне!

– Ну уж нет, не дождетесь! – Она вышла за все рамки, за все разумные границы, горя желанием обидеть его так же, как он обидел ее.

– Джейн, ты играешь с огнем, – прохрипел герцог, крепко прижав руки к бокам.

– С огнем, ваша светлость? – язвительным эхом отозвалась Джейн. Она устала, очень устала. Последние двенадцать лет она только и делала, что подчинялась, ей не позволялось иметь собственное мнение, иметь собственные желания. – Что вы знаете об огне? Вы, такой холодный, заносчивый, смотрящий на всех свысока! Что вы делаете, ваша светлость? – задохнулась она, когда герцог метнулся к ней, обвил руками ее талию и неистово притянул к себе.

– Хок, Джейн. – Теперь его лицо находилось в нескольких дюймах от ее лица, его дыхание обжигало ей щеку, черты лица стали хищными в лунном свете. – Меня зовут Хок, – хрипло пояснил он.

Она вопросительно уставилась на него.

Хок?

Герцога Сторбриджа называли именем хищной птицы?[1 - Хок (Hawk) – в переводе с английского «Ястреб». (Примеч. пер.)]

Опасной хищной птицы. Завороженно разглядывая герцога. Джейн изумленно припомнила свое первое впечатление о нем.

– Это причуда моей матери. – Герцог говорил серьезно, прижимая Джейн к своему сильному телу.

Но Джейн сейчас не волновало, как он получил это странное имя. Ее занимало лишь то, что герцог Сторбридж – надменный и равнодушный герцог Сторбридж – держит ее в своих объятиях, ее мягкие округлости словно впечатались в его стальные мускулы, а его глаза неотрывно глядят на ее губы.

Весь вид могущественного высокородного герцога Сторбриджа говорил о том, что он собирается поцеловать ее!

Это невероятно.

Невообразимо...

И все же Джейн могла вообразить это. Могла представить его четко очерченные губы на своих губах. Жадные, требовательные, заявляющие права на нее. Ибо каждая женщина, которую герцог Сторбридж решит поцеловать, познает всю его пылкость, всю его страсть, обычно скрывааемую от приятелей, не правда ли? Джейн не проведешь, она ясно видит эту страсть в блеске его глаз. Так же ясно, как чувствует его мускулистое тело, к которому он ее неистово прижимает...

– Тебе не следовало приходить сюда одной, Джейн. – Взгляд герцога, этот пронзительный золотой взгляд блуждал по ее побледневшему личику изучающе, жадно. – Не следовало, Джейн! – Он начал склоняться к ней.

На несколько бесконечных секунд Джейн обмерла, ее губки бессознательно распахнулись в ожидании его губ.

Поцелуй.

Один поцелуй.

Ее первый в жизни поцелуй.

Она ведь не слишком много просит? Просит исключительно для себя? После долгих двенадцати лет без ласковых прикосновений, без человеческого тепла? – подумала девушка.

Но инстинкт подсказывал ей, что Хок Сен-Клер, великий и могущественный герцог Сторбридж, не остановится на одном поцелуе, он потребует большего, гораздо большего. Он был мужчиной, который готов снова и снова брать, ничего не давая взамен.

– Нет! – Она повернула голову, дабы уклониться от его поцелуя, и одновременно попыталась избавиться от его стальной хватки, но достигла противоположного эффекта – еще теснее, более интимно прижалась к нему. – Нет! – повторила она, до смерти опасаясь страсти, обуявшей герцога и не желавшей отпускать его. – Так нельзя! Прошу, Хок, так нельзя...

Ее мольбы проникли сквозь пелену вождления, сковавшего тело Хока, и заставили его остановиться. Он словно очнулся, не в силах поверить в происходящее.

Эта женщина – девушка – была подопечной хозяина дома. Незамужней подопечной!

Он неожиданно отпустил ее и сделал шаг назад. Челюсти его были сжаты, глаза сияли расплавленным золотом.

– Тебе не следовало приходить сюда одной, Джейн, – хрипло повторил он.

Она судорожно сглотнула.

– Нет, не следовало. Но я не думала, что кто-то может отправиться за мной...

– Не думала, Джейн? – Голос Хока задрожал. – Ты уверена, что твое раздражение вызвано не тем, что на твой призыв откликнулся не тот мужчина?

Она удивленно уставилась на него:

– Не тот мужчина? Я не понимаю...

– Разве не Джеймс Тиллтон должен был присоединиться к тебе сегодня вечером? – осведомился герцог.

– Лорд Тиллтон?! – Джейн задохнулась от незаслуженного обвинения. – Лорд Тиллтон мне неприятен! Он вел себя недостойно в отношении меня во время обеда – до такой степени недостойно, что в итоге мне пришлось поцарапать ему запястье, чтобы он прекратил лапать меня под столом. Кроме того, он женатый человек! – насупилась она.

Губы Хока изогнулись в язвительной усмешке.

– Вечеринки в летних домах, такие как эта, печально известны ночными randevу женатых людей – но не друг с другом!

– Правда, ваша светлость? – В ее голосе сквозили ледяные нотки. – И чью постель вы решили сегодня почтить своим высоким присутствием?

Хок не мог не признать, что даже теперь, в гневе, мисс Джейн Смит была прекрасна и соблазнительна. Похоже, годы пребывания под опекой властной леди Салби несколько подавили живую натуру девушки, но она никуда не делась, она проявлялась в том, как Джейн бросала ему вызов, в том, как бесстрашно она перечила ему. Две вещи, с которыми герцог Сторбридж сталкивался крайне редко, если вообще сталкивался.

Джейн Смит отличалась от прочих женщин тем, что видела в нем не только герцога. Она видела за титулом мужчину, и именно к этому мужчине взывала ее красота. Взывала так громко, что Хок на секунду забыл об осторожности, не дававшей сбой в течение последних десяти лет.

Это не могло – не должно было – случиться вновь!

– Я не собираюсь укладывать никого в постель здесь, в «Маркхам-парке», – презрительно фыркнул он, отметив, что Джейн напряглась, ведь этим небрежным заявлением он отвергал и ее чары. – А теперь, если позволите, я хочу извиниться перед Салби перед тем, как отойти ко сну. – Он поклонился и собрался уходить.

– Даже прежде не извинившись передо мной, ваша светлость?

Хок медленно повернулся и, прищурившись, оглядел ее напряженную фигурку и с вызовом поднятый подбородок.

– За то, что я чуть не поцеловал вас?..

Она окинула его пренебрежительным взглядом:

– За то, что ложно обвинили меня в заигрывании с лордом Тиллтоном!

Мог ли Хок ошибиться, наблюдая за происходящим за столом? Может, Джейн действительно не заигрывала с Тиллтоном, а, напротив, сражалась с его нежелательным вниманием? Вниманием к молодой женщине, чья судьба явно не заботила ее опекунов, не говоря уже о защите?

– Если я ошибся...

– Ошиблись!

– Если я ошибся, то извиняюсь. – Хок коротко кивнул. – Но на будущее я советую вам не приходить сюда одной. В следующий раз вы можете оказаться в гораздо более опасной ситуации, чем нынешним вечером.

– До сих пор дюны служили мне надежным укрытием!

Пока не вторгся Хок, подумала она.

Пока он не обнял ее и не захотел поцеловать.

Но за это она не просила у него извинений...

Джейн была великолепна. Хок признавал это, хотя и решил больше с ней не общаться. Ее распущенные волосы летели по ветру, в широко распахнутых глазах горел вызов, соблазнительные губки упрямо поджаты.

Все это свидетельствовало о том, что из нее получится прекрасная любовница. Что эта женщина способна ответить страстью на его внутреннюю страсть, которую он так тщательно скрывал от посторонних глаз и до которой Джейн, сама того не ведая, сумела достучаться.

Джейн Смит представляет собой угрозу для ледяного спокойствия герцога Сторбриджа, – вынес он вердикт.

Но еще большую угрозу Джейн Смит представляет для того мужчины, коим он остается в глубине души, для пылкого Хока Сен-Клера.

– Теперь вам здесь уже не укрыться, – холодно и безжалостно отрезал он. – Спокойной ночи, мисс Смит. – Он развернулся и на этот раз уже не стал оглядываться назад. Твердым и решительным шагом он направился обратно в «Маркхам-парк».

Джейн смотрела ему вслед и понимала, что герцог Сторбридж сегодня лишил ее не только надежного прибежища, ее дюн. Когда он коснулся ее, когда чуть не поцеловал ее, он разбудил внутри ее голод, желание, о существовании которого она и не подозревала, желание, которое делало ее груди тугими и тяжелыми, разжигало огонь меж ее ног, заставляло забыть об осторожности и думать только о том, что она может встретить ответную страсть в его поцелуе. В этот момент ей захотелось лечь с ним рядом прямо здесь, на песок дюн, и избавить его от высокомерной холодности герцога Сторбриджа, раздевая, изучая, целуя, лаская...

На этом фантазии Джейн внезапно оборвались. Потому что она понятия не имела, что следует за поцелуями и ласками!

Она помнила наставления леди Салби своей дочери Оливии перед началом ее первого сезона:

– После свадьбы леди может иметь столько любовников, сколько пожелает, но до свадьбы – ни одного! Сначала надо надеть кольцо на палец.

Означает ли ее распутное влечение к герцогу Сторбриджу, что она, Джейн, все-таки не леди, коей всегда себя считала?..

* * *

– Вы посылали за мной, леди Салби?

На следующее утро Джейн смиренно стояла перед опекушкой в ее частных покоях. Сама леди Салби сидела за столиком и читала корреспонденцию.

Леди Салби обожгла девушку взглядом ледяных голубых глаз и только потом соизволила ответить:

– Ты уже полностью оправилась от головной боли, Джейн?

И тон, и манеры хозяйки дома казались на удивление мягкими, и это насторожило Джейн. Она ожидала горячую отповедь за «беззастенчивый флирт» с герцогом Сторбриджем, как выразилась Оливия. Никакие вкрадчивые интонации не могли обмануть Джейн, она всегда была настороже.

– Вполне оправилась, благодарю вас, леди Салби.

Хозяйка изящно склонила голову набок:

– Хорошо спала?

– Урывками. – Как Джейн и ожидала, ее сон наводнили образы – не герцога Сторбриджа, а мужчины, который обнимал ее и приказывал называть его Ястребом. Эти образы были настолько эротичными, что девушка очнулась посреди ночи, судорожно хватая ртом воздух, разгоряченная, дрожащая всем телом, ее соски затвердели и отзывались болью на каждое прикосновение материи, а между ног было непривычно мокро.

– В самом деле? – Леди Салби откинулась на спинку стула, ее красивое лицо вдруг стало жестоким и беспощадным, глаза превратились в щелки. – Не из-за того ли, что ты спала не одна?..

От таких обвинений Джейн побелела как полотно. Не могла ведь леди Салби неправильно истолковать реакцию Джейн на вчерашние заигрывания лорда Тиллтона, как это случилось с герцогом?

Или она намекает на самого герцога?..

Щеки девушки залила краска. Слишком мало времени прошло с тех пор, как она видела его в эротических снах.

– Не утруждай себя ответом, Джейн, – припечатала леди Салби прежде, чем Джейн сумела собраться с мыслями и опровергнуть обвинение. – Я не желаю выслушивать скабрзные подробности...

– Нет никаких скабрёзных подробностей... – прервала ее шокированная Джейн.

– Я сказала, что не желаю слушать! – Теперь женщина взирала на нее с неприкрытой неприязнью. – Вполне достаточно того, что, несмотря на все наши усилия, на всю заботу и внимание, которыми мы окружали тебя последние двенадцать лет, ты выросла точно такой же, как твоя распутная мать!

Кровь отхлынула от лица Джейн.

– Моя... моя мать?

Леди Салби поморщилась от отвращения:

– Твоя мать, Джейн. Женщина, на которую ты похожа. То есть начисто лишенная морали и...

– Да как вы смеете?! – Когда горничная вызвала ее к леди Салби, Джейн знала, что ей придется выслушать недовольное бурчание хозяйки, но она не была готова к этой желчной атаке на свою мать и на нее саму. – Моя мать была доброй и хорошей...

– Кто поведал тебе об этом, Джейн? – саркастически усмехнулась леди Салби. – Этот глупый викарий, который женился на ней? – Она презрительно покачала головой. – Джозеф Смит – как, видимо, и всякий мужчина, в чьих жилах течет алая кровь! – не видел ни одного изъяна в своей красавице Джанет. Но я знала. Я всегда знала, что она всего лишь бесстыжая потаскуха! – Ее глаза лихорадочно блестели. – И в итоге я оказалась права, разве нет? – Леди Салби вскочила на ноги, ее лицо исказила ярость.

Джейн отступила назад, отрицательно качая головой. Она не могла поверить в те ужасные вещи, которые леди Салби говорила о женщине, умершей сразу после ее рождения.

– Моя мама была милой и красивой...

– Твоя мать была шлюхой! Соблазнительницей и прелюбодейкой!

- Нет! - Джейн отшатнулась, словно ее ударили.

- О да! - с презрением сверкала на нее глазами леди Гвендолин. - А ты точная ее копия, Джейн. Я предупреждала Салби, когда он настаивал на том, чтобы мы взяли тебя к себе в дом. Я говорила ему, что может произойти, - что ты опозоришь нас так же, как нас опозорила Джанет. И прошлой ночью мои опасения подтвердились.

- Но прошлой ночью я не сделала ничего такого, за что мне было бы стыдно! - бросилась на свою защиту Джейн, ошеломленная словами леди Салби и шокированная ее ненавистью, открыто написанной на лице.

- Джанет тоже ничего не стыдилась. - Леди Салби трясло от ярости, дикий блеск в глазах усилился. - Она даже не извинилась, когда выяснилось, что она выходит за легковверного пастора на третьем месяце беременности!

У Джейн земля ушла из-под ног. Она чуть не упала замертво. Ее мать выходила за отца беременной? Она носила Джейн?

Но это не делало ее мать ни шлюхой, ни прелюбодейкой. Это означало лишь то, что, как и многие другие пары до и после них, ее родители поспешили принести брачные клятвы при сложившихся обстоятельствах. Джейн далеко не первый ребенок, появившийся на свет через шесть месяцев после бракосочетания...

Она покачала головой:

- Это касается меня, и только меня, а я...

- Я ждала подобных слов, - испепелила ее взглядом леди Салби. - Ты ничем не лучше ее. Ты не задумываешься о том позоре, который навлекла на наше семейство своими распутными действиями.

- Но я ничего такого не сделала...

- Ты определенно сделала что-то! - Леди Салби стояла, прижимая кулаки к бокам. - Камердинер герцога сообщил дворецкому Брауну, что они сегодня уезжают, и...

– Герцог уезжает? – эхом повторила Джейн. Удивительно, как сильно эта новость расстроила ее. Она будто разваливалась на части, оказавшись в эпицентре бесконечного ночного кошмара.

– Не строй из себя невинность, Джейн Смит, – насмешливо произнесла леди Салби. – Вчера мы все стали свидетелями того, как ты строила герцогу глазки – завлекла его в свою постель, явно намереваясь расставить ему ловушку и вынудить жениться. Но если ты надеялась на это, то напрасно. Судя по его поспешному отъезду, все твои усилия пошли прахом. Герцог не тот человек, которого можно куда-то заманить – и уж тем более к алтарю с такой распутной обманщицей, как ты! Ты злая, испорченная, ненавистная девчонка, Джейн Смит! – Леди Салби уже билась в истерике. – Пригрели змею на груди! Вы только поглядите на выражение ее лица! Похоже, тебя нисколько не заботит, что ты окончательно и бесповоротно лишила Оливию шанса стать герцогиней Сторбридж!

Учитывая вчерашние комментарии герцога в адрес леди Салби, Джейн очень сомневалась, что у Оливии вообще был даже призрачный шанс выйти за герцога. Эта фантазия родилась в воспаленном воображении леди Салби после того, как Себастьян Сен-Клер не ответил на их приглашение.

– Чтобы тебя сегодня же не было в этом доме, Джейн, – объявила леди Салби. – Сегодня же, поняла меня?

– С превеликим удовольствием. – После этого разговора, после всего того, что леди Салби наговорила о ее матери, Джейн не могла остаться здесь ни на день, ни на час, ни на секунду дольше, чем это необходимо.

– И не думай приползать обратно, если, как и твоя мать, ты обнаружишь, что беременна! – презрительно фыркнула леди Салби. – У нас наивных священников нет, никто тут на тебе не женится, Джейн. Ни один влюбленный идиот не поведет тебя к алтарю, чтобы дать имя твоему незаконнорожденному отпрыску!

Джейн вдруг притихла, вся боль несправедливых обвинений леди Салби поблекла, все эмоции покинули ее, она стояла и смотрела на нее, словно через длинный серый тоннель.

Леди Салби ядовито прищурилась, увидев, что Джейн настолько шокирована, что не может даже скрыть этого.

– Ты не знала об этом?! – Леди Салби торжествовала, наконец-то она сумела пробить брешь в хладнокровном спокойствии Джейн. – Даже после ее смерти Джозеф Смит не смог замарать память своей драгоценной Джанет и рассказать, что он не был твоим родным отцом!

– Он был моим отцом! – Пальчики Джейн сжались в кулаки. – Он был... – Злые слезы застили ей глаза. Зачем эта женщина говорит о ее родителях такие ужасные вещи?

Она никогда не знала своей матери, но отец был для нее воплощением добра и душевного тепла. Он не стал бы вести себя так с нею, не будь он ее родным отцом!

Или стал бы?..

– Определенно нет.

Леди Салби смотрела на нее с восторженным сожалением.

– Твоя мать соблазнила твоего настоящего отца, богатого и знатного джентльмена, завлекла его в постель в надежде на то, что он потеряет голову и бросит женщину, которая уже была его женой. Но он отказался сделать это, даже когда Джанет забеременела!

– Я вам не верю! – в отчаянии затрясла головой Джейн. – Вы просто хотите сделать мне больно...

– Я сделала тебе больно, Джейн? Надеюсь, что так, – обрадовалась леди Салби. – Ты очень похожа на Джанет, знаешь ли. Та же дикая красота. Тот же непокорный нрав.

И Джейн внезапно поняла, что последние двенадцать лет леди Салби делала все, чтобы сломить в ней этот нрав. Она старалась уменьшить ее физическое сходство с Джанет, одевая Джейн в безвкусные наряды. Леди Салби питала к

Джейн такую же неистовую ненависть, какую до этого питала к ее матери...

- Джанет была испорченной и упрямой, - бездушно продолжала она. - Стоило ей пошевелить пальцем, как мужчины кидались исполнять любую ее прихоть. Но она совершила роковую ошибку, выбрав не того любовника, - фыркнула леди Салби. - Эта ошибка быстро поставила ее на место, когда он, не раздумывая, вычеркнул ее из своей жизни, как только она поведала ему о будущем ребенке. О тебе, Джейн.

- Вы лжете! - с нажимом повторяла Джейн. - Я не знаю почему, не знаю, что Джанет сделала вам, но я знаю, что вы лжете!

- Неужели? - Леди Салби с усмешкой протянула руку к столу и выудила из кипы бумаг один листок. - Может, тебе стоит прочесть вот это, Джейн? - Она заманчиво потрясла листочком перед ее лицом. - Тогда ты наконец-то поймешь, кем и чем была твоя мать!

- Что это? - Джейн настороженно посмотрела на письмо. Кто мог написать леди Салби сейчас, через двадцать два года после смерти Джанет?

- Письмо написано самой Джанет двадцать три года тому назад и адресовано ее любовнику. Но конечно же не отослано. Разве могла она отправить его, если ее любовник уже был женат? - презрительно фыркнула леди Салби.

- Откуда оно у вас? - Джейн потрясла головой, прогоняя наплывающую дурноту.

Леди Салби засмеялась:

- Загляни в прошлое, Джейн, на двенадцать лет назад. Ты ведь помнишь, что я была вместе с Салби, когда он приехал забрать тебя после смерти Джозефа Смита? Конечно, помнишь, - удовлетворенно кивнула она, увидев, как Джейн передернуло при этом воспоминании. - Просматривала вещи Джанет, я нашла письма, которые она писала любовнику, но не отсылала. Низкие, отвратительные письма...

- Писем было больше одного? - оцепенела Джейн.

– Их четыре. И в каждом Джанет рассказывает своему любовнику о ребенке, которого они зачали в грехе...

– Отдайте их мне! – Джейн вырвала листок из пухлой ладошки леди Салби и крепко прижала к груди. – Вы не имеете права читать письма моей матери. Не имеете права! Где остальные?

Она подошла к письменному столу, лихорадочно покопалась в бумагах и без труда нашла еще три письма, написанные тем же почерком. Письма, которые леди Салби явно читала перед приходом Джейн.

– Сэр Барнаби знает об этих письмах?..

– Конечно нет! – в очередной раз фыркнула леди Салби. – Все эти двенадцать лет я хранила их втайне от него. Как ты думаешь, почему я так разволновалась, застав тебя вчера рядом со шкатулкой?

Потому что она прятала там письма Джанет! – поняла Джейн.

– Как вы смеете! – набросилась она на опекуницу. – Вы недостойны даже притрагиваться к вещам моей матери, не говоря уже о том, чтобы читать ее личную корреспонденцию!

Леди Салби отпрянула от этого яростного натиска, прижав ладонь к пышной груди:

– Не приближайся ко мне, злобная, злобная девчонка!

– Я и не собираюсь к вам приближаться, – заявила Джейн. – Не хочу марать о вас руки. Я изо всех сил пыталась полюбить вас, но так и не смогла. В этом доме один сэр Барнаби был добр ко мне. Теперь мне остается только жалеть его, добросердечного, любящего человека, взявшего в жены дурную, мстительную женщину.

– Убирайся прочь, ужасное создание!

– О да, я уйду, можете не сомневаться. – Джейн направилась к двери, высоко подняв голову. – Будьте уверены, я не замедлю покинуть этот дом, как только соберу те немногие вещи, которые действительно мне принадлежат, включая письма матери!

Джейн спешила по коридору в свою крохотную спальню, радуясь тому, что сможет теперь покинуть «Маркхам-парк».

Не важно, что готовит ей будущее – куда она пойдет, что будет делать, чтобы выжить, – хуже, чем в «Маркхам-парке», ей уже не будет. Не может быть ничего хуже этих двенадцати кошмарных лет, прожитых в доме леди Салби.

Глава 4

На следующий день Хок поднялся чуть свет, оделся и пошел на конюшню. Поездка на лошади по песчаному пляжу оказалась на удивление приятной, настроение его заметно улучшилось, соленый бриз развеял паутину, окутавшую его мозг.

Он даже позволил себе вспомнить о Джейн Смит. Недаром говорят – утро вечера мудренее. В свете наступившего дня вчерашнее происшествие стало казаться ему полным бредом, как и внезапная страсть, нахлынувшая на него.

Вернувшись в дом Салби, Хок окончательно воспрянул духом. Оказывается, в его отсутствие ему пришло письмо от поверенного из Лондона, Эндрю Виндхама. Это был всего лишь еженедельный отчет, но Салби не могли этого знать, а потому безропотно встретили заявление Хока о том, что срочные дела требуют его личного присутствия и ему придется немедленно покинуть их гостеприимный дом.

Но не раньше, чем он примет ванну, со вздохом удовлетворения подумал Хок. Он сел, взял стоявший у ванны кувшин, с удовольствием опрокинул горячую воду себе на голову и вымыл волосы, радуясь тому, что через час он окажется вдали от «Маркхам-парка». Пришедшее от Эндрю письмо поистине было подарком подарком судьбы!

Завтра он уже будет в Малберри-Холл. В своем любимом Глостершире. И благополучно забудет о том, как временно потерял контроль над самим собой вчера вечером с Джейн Смит...

Хок решительно прогнал от себя образ Джейн с ее колдовскими зелеными глазами, вышел из ванной, обмотав одно полотенце вокруг талии и взяв второе, чтобы вытереть голову. Сейчас он позвонит Долтону, чтобы тот помог ему одеться и побриться перед дорогой. Он даже не станет откладывать отъезд и ждать, пока Долтон уложит багаж во вторую карету, лишь бы поскорее оказаться подальше отсюда!

Решение не видеться и не говорить с Джейн Смит перед отъездом, подумал он, – это не трусость с его стороны, а простая самозащита. Страсть следует испытывать к любовнице, а не к молодой незамужней женщине-сироте, дочери бедного деревенского пастора, которая наверняка думает о замужестве, а не о любовной связи.

Он обернулся. В дверь коротко постучали. Он открыл и не поверил своим глазам. В комнату ворвался объект его размышлений – лицо полыхает, глаза горят, шикарные рыжие волосы растрепаны.

– О! – Джейн Смит резко остановилась и еще более покраснела, когда увидела, в каком виде встречает ее Хок.

Его первым порывом было схватить и натянуть лежавший на стуле халат. Но потом он подумал – а зачем? Он пребывал в своих личных покоях, и его уединение грубо нарушила Джейн Смит. Так почему его должна волновать его нагота и ее явное смущение по этому поводу?

Он презрительно приподнял бровь:

– Надеюсь, у вас имеются веские причины, чтобы врваться в мои покои?

Джейн смотрела на него не отрываясь.

Его плечи выглядели широкими и сильными в идеально сшитых сюртуках, но его обнаженное тело оказалось еще более впечатляющим. Руки мускулистые,

темные волосы курчавятся на загорелой груди и спускаются вниз, скрываясь под полотенцем...

Пораженный взгляд девушки вернулся к его лицу. Только что вымытые и еще не уложенные волосы на голове пребывали в полном беспорядке и тоже завивались, падая на лоб и придавая ему озорной, мальчишеский вид.

Несколько минут назад разговор с герцогом был для Джейн делом жизни и смерти, теперь же она не могла даже вспомнить, о чем хотела поговорить с ним!

- Джейн! - позвал он. Его брови взлетели еще выше.

- Я хочу, чтобы вы взяли меня сегодня с собой, ваша светлость! - выпалила Джейн, припомнив наконец цель своего визита.

После встречи с леди Салби она пошла в свою комнату и прочитала письма матери. Они были вовсе не «низкие» и не «отвратительные», просто письма женщины, которая изливает свое сердце возлюбленному, рассказывает о ребенке, коего она носит в своем чреве, - ребенке, зачатом в любви, - и которая уверяет его, что любит их нерожденное дитя так же сильно, как любит этого мужчину. Все четыре письма матери начинались одинаково: «Любимый мой», а заканчивались словами «Твоя навеки, Джанет».

Джейн долго плакала над строчками этих посланий. Она думала о Джанет. О Джозефе Смите, к которому ее мать испытывала искреннюю привязанность, но которого никогда не любила так, как любила своего женатого избранника. О настоящем отце, которого Джейн никогда не видела...

Но слезы высохли, и Джейн вспомнила о своей клятве сегодня же покинуть этот дом. И о том, что герцог тоже собирается сегодня уехать из «Маркхам-парка» нынче утром. Возможно, если его попросить, то он, быть может, возьмет ее с собой.

Герцог Сторбридж.

Только сейчас, с мокрыми взъерошенными волосами и с полотенцем вокруг мускулистых бедер, он вовсе не был похож на герцога Сторбриджа!

– Вы хотите, чтобы я взял вас с собой?.. – мягко, недоверчиво промурлыкал он, ни взглядом, ни выражением лица не выдав своего мнения на сей счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хок (Hawk) – в переводе с английского «Ястреб». (Примеч. пер.)

Купить: <https://tellnovel.me/ru/kerol-mortimer/zolushka-dlya-gercoga>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)